Митрополит Иларион: Русская литература обладает глубоким воспитательным и христианским потенциалом

2 июля 2016 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет митрополит Волоколамский Иларион, стала российская писательница и литературный критик Майя Кучерская.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». В наших передачах мы продолжаем размышлять о роли русского языка и литературы для современного человека. Сегодня у меня в гостях – российская писательница, литературовед и литературный критик Майя Кучерская. Здравствуйте, Майя Александровна!

М. Кучерская: Здравствуйте, владыка! Очень приятно сюда попасть. С удовольствием поговорю о литературе и языке. Я довольно много лет преподавала в школе, и прекрасно помню, что для подготовки к уроку у меня на столе обычно высились башни книг, в том числе разных учебников. Каждому учителю очень важно иметь выбор: из какого-то учебника брать одно, из какого – другое, что-то еще – из третьего, пятого, а прочитав что-то из шестого, понять, что это «не мое», и забыть о нем. То есть, если говорить об едином учебнике (а эта угроза нависла над учителями), должна сказать, что, разумеется, учебников должно быть много. Это очевидно.

Что касается классики, это мое любимое чтение. Я очень люблю русскую классику. Вместе с тем, каждый год принимая экзамены у студентов, вижу, что русская классическая литература от них все дальше, и читают ее молодые люди все неохотнее. Понимаю, что прежними усилиями уже не обойтись – для того, чтобы школьники, студенты с этой литературой встретились и ее полюбили, нужно жить как-то иначе. Просто предоставлять им списки и говорить: «Прочтите обязательно» – это не работает. Они не читают, тем более, что у них под рукой есть краткое содержание. Надо думать о том, как оживлять процесс.

Митрополит Иларион: То, что Вы сейчас описали, – очень печально, потому что если русскую классику читают все меньше и меньше, то это очень тревожный симптом. Думаю, на него должны адекватно отреагировать и система образования, и все наше общество. Прежде всего, мы должны задаться вопросом: а почему русскую классическую литературу читают все меньше? На него дают разные ответы. Одни говорят: «А сейчас молодежь вообще меньше читает книги. Сейчас люди ходят с айфонами, сидят в социальных сетях и узнают все через них». Я с этим не совсем

согласен, потому что, на самом деле, книжные магазины у нас не пустуют, книги раскупаются охотно. Мне редко сейчас доводится пользоваться метро, но когда бываю там, я вижу, что в вагоне многие сидят с книжками, в том числе и молодые люди.

Конечно, для школьника и для студента очень важна мотивация. Очень часто она появляется благодаря учебным курсам и заложенным в них требованиям. То есть, если, допустим, школьник знает, что ему к экзамену нужно прочитать какой-то роман, он все-таки его прочтет.

Но чтение романов русских писателей – не самое скучное занятие, потому что это увлекательные, интересные произведения. Просто для того, чтобы их читали, нужно развить у ребенка и у студента определенный вкус. И вот здесь, я думаю, очень важны совместные усилия всех людей, в чьих руках сегодня находится образование.

М. Кучерская: Конечно, я согласна. Мне как филологу очень близки Ваши слова про то, что чтение романов – увлекательное занятие. Такое чтение увлекательно для нас с Вами, но даже для молодых гуманитариев сегодня это не совсем так. Поэтому, мне кажется, очень важно предоставить преподавателю свободу – он будет преподавать русскую классику гораздо более живо, если будет чувствовать, что имеет свободу маневра.

Второй момент: как сделать так, чтобы школьники не чувствовали, что это мертвый груз, который на них наваливают? Как его оживить? Мне кажется, нужен разумный баланс в программе между классикой (безусловно, наш золотой фонд там должен присутствовать) и современной литературой. И вот здесь особенно важно предоставить учителю свободу выбрать, например, каких-то современных поэтов, которых он лично любит, – преподаватель прочтет их произведения с такой интонацией, с таким восторгом, что школьники заразятся этим. И через современную словесность можно будет приблизить ребят к той уже ушедшей литературе, потому что легко показать, что сегодняшние авторы – наследники прежней традиции. Если мы не будем понимать, как устроена прежняя классическая литература, мы и сегодняшнюю литературу поверхностно будем читать.

Мне кажется, нужно гораздо больше устраивать чтений, литературных клубов, обязательно обсуждать книги. Важно уроки литературы делать живыми и активными либо за пределами урока обсуждать книги и показывать, что это часть нашей жизни, которая может нам что-то объяснить про нас самих. Это проще делать с помощью современной литературы, потому что она – о нашем времени. Но, конечно, есть и вечные ценности – Толстой, Достоевский…

Митрополит Иларион: Во многом могу с Вами согласиться, но в чем-то, пожалуй, не соглашусь, например, со взглядом на классическую русскую литературу как на нечто подготовительное к

современной литературе. Вы сказали: если не знать русской классики, то человек не будет понимать современную литературу, не будет знать ее предыстории. Но для меня русская классика – это не только предыстория. Это наш золотой фонд, с которым каждый россиянин должен быть знаком, причем знаком именно из школьной программы.

И когда Вы говорите о том, что у учителя должна быть свобода, то я соглашусь только в том смысле, что свобода должна быть внутри определенного канона. Иначе говоря, учитель не должен выбирать между, скажем, стихотворением Пушкина и стихотворением современного автора. Вот есть курс современной русской литературы, и в этих рамках у учителя должна быть определенная свобода. Есть курс классической русской литературы, и опять же в этих рамках преподаватель должен иметь свободу выбирать, на что обратить особое внимание, как расставить акценты. Это действительно должен быть творческий процесс, но при этом нельзя допустить, чтобы пострадал канон русской литературы, о котором сейчас часто говорят. Иначе говоря, преподавание современной литературы не должно вестись в ущерб литературной классике.

Здесь, мне кажется, уместна аналогия с классической и современной музыкой. Можно сказать, что музыка Баха и Бетховена важна для понимания, допустим, современной музыки, будь то профессиональные музыкальные произведения или эстрадные песни. Но для меня как музыканта по моей первой профессии музыка Баха и Бетховена важна, прежде всего, сама по себе, потому что она воспитывает душу человека. Так и наша русская литература обладает огромным воспитательным и глубоким христианским потенциалом.

Насколько я знаю, Вы сейчас пишете книгу о Лескове для серии «Жизнь замечательных людей». Николая Семенович Лесков – не очень широко известный писатель, а ведь он раскрывает целый мир, в том числе мир Церкви, на который русские писатели не так уж часто обращали внимание. Среди тех, кто писал на эту тему, можно вспомнить Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского… Но Лесков специально сосредоточился на описании церковной действительности. Герои его знаменитой повести «Соборяне» – священнослужители. Я думаю, что такие произведения не должны проходить мимо наших школьников и студентов.

М. Кучерская: Разумеется. Но я пойму того преподавателя, который, предпочтет Лескову какого-то другого своего любимого автора.

Откликаясь на первую часть Вашего высказывания, я замечу, что, насколько мне известно, речь идет не о том, чтобы уничтожить этот золотой фонд и выкинуть его из программы, а о том, чтобы он не заполонил собой всю программу. Ведь в таком случае он превратится в медного истукана для наших школьников, потому что им дышать будет нечем. Они будут придавлены этими классиками, и воздух, а именно возможность любить другую литературу, будет выкачан из такой схемы.

Что же касается Лескова... Да, я его очень люблю, но если мы посмотрим, что и как он писал о Церкви, то увидим, что его книги – это как раз проповедь бесконечной свободы. Мой любимый рассказ «На краю света» говорит как раз о том, что самый дикий, самый необразованный и непросвещенный человек может оказаться настоящим христианином, гораздо более жертвенным, чем тот, кто себя таким называет и посылает другого на гибель, как это показано в рассказе. Лесков был даже гоним за свободу своих взглядов. Мы знаем, что один из его томов оказался под цензурным запретом, потому что тогдашним руководителям, в том числе Церкви, показалось, что он действует кощунственно. Мы знаем, что это не так. И больше ни один автор русской классической литературы так глубоко и с такой любовью и теплотой священство не описал.

Может, потому что у Лескова дед был священником, много поколений его предков служили в Церкви. Может быть, это что-то в крови, но такого понимания я больше ни у кого не вижу. Теперь мы можем Лескова благодарить. При жизни его за это вовсе не благодарили. Было много споров и даже довольно драматичных событий, с этим связанных.

Митрополит Иларион: В беседе с Вами мне также хотелось бы затронуть тему современной христианской литературы. За последние, наверное, 30 лет на нашей отечественной почве появилось довольно много произведений, посвященных христианству, Церкви или как-то затрагивающих христианские мотивы. И это не богословские книги, а именно литературные произведения. Моя мама, Валерия Алфеева, в 1987 году выпустила повесть «Джвари». Тогда ее книга, можно сказать, стала первой ласточкой. Это совпало с постепенным наступлением новой эпохи религиозной свободы, когда было положено начало открытости, с одной стороны, общества к христианской проповеди, а с другой стороны – писательского сообщества к этой тематике. Мне думается, что писательское сообщество очень по-разному отреагировало на новую ситуацию, когда Церковь вдруг вышла из катакомб, когда стало понятно, что большинство наших людей так или иначе ассоциирует себя с религиозной традицией.

Вы работаете в этом русле, для Вас христианская тема имеет большое значение. Может быть, мы в оставшиеся несколько минут смогли бы на эту тему порассуждать. Каково сегодня призвание христианского писателя?

М. Кучерская: Во-первых, я с удовольствием вспоминаю те годы, когда мы рвали друг у друга «Новый мир» с первой христианской повестью. Это было бесконечно интересно и важно прочитать. Спасибо Вашей маме, что она начала разговор на такую тему.

Что касается сегодняшнего дня, то у нас с недавних пор есть замечательный христианский от первой до последней страницы роман «Лавр» Евгения Водолазкина. Это текст высокого

литературного качества, в котором художественным языком рассказано о жизни святого. Такого не было. Вот что удивительно: все наши опасения, что читатели не поймут, что нехристиане не прочитают эту книгу, не уловят каких-то нюансов, оказались напрасны. Ее полюбили, по-моему, все – и верующие, и неверующие, потому что она живая и потому что она очень хорошо написана. Ничто не оскорбляет эстетического вкуса. В ней нет никакого глянца, который возможен и в христианской литературе. Там есть пот, кровь, там есть страсти. В каких-то местах эта книга по-настоящему страшна, там есть насилие. Но в итоге получился, на мой взгляд, шедевр. Если наши телезрители еще не читали эту книгу, я горячо рекомендую роман Евгения Водолазкина «Лавр».

Митрополит Иларион: Я буду первым, кто озаботится приобретением этой книги, потому что, к сожалению, я тоже ее не читал. Мои многочисленные служебные обязанности не оставляют мне достаточного времени, чтобы читать современные литературные произведения и даже классическую литературу. Я, как говорят, живу старым багажом.

Мне кажется очень важным, чтобы имеющееся сейчас взаимодействие между Церковью и писательским сообществом развивалось. Вы знаете, что существует Патриаршая литературная премия, ежегодно присуждаемая Патриархом тем писателям, которые в своих произведениях затрагивают христианские темы или говорят на нравственные темы. В состав жюри этой премии входят писатели, которые имеют возможность оценить профессионализм авторов. С другой стороны, оценивается вклад, который представленные на соискание премии книги вносят в дело христианского просвещения нашего народа. Мне кажется, что эта литературная премия, которая имеет очень большой успех и на которую всегда большой конкурс, является одним из мостов, связывающих Церковь с миром литературы.

Если мы посмотрим на XIX век, когда, казалось бы, о Церкви знали все, когда, казалось бы, Церковь никто не ущемлял, и она была признанной всеми нравственной силой, то окажется, что в нашей светской литературе не так уже много говорится на церковную тему. Я назвал Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского. Мы с Вами говорили о Н.С. Лескове. Еще А.П. Чехов, Л.Н. Толстой – пожалуй, этими именами и исчерпывается список тех наших русских писателей, которые серьезно обращались к теме Церкви.

М. Кучерская: «Отец Сергий» Толстого. «Архиерей» Чехова – замечательный, гениальный рассказ. Наверное, он Вам должен быть близок.

Хочу заметить, что все-таки сегодня задачи писателя усложнились. В каком смысле? Он не может быть таким прямолинейным проповедником, каковыми были Толстой и Достоевский. Эти писатели не стеснялись «вставать на амвон», проповедовать в своих произведениях. Сегодняшний читатель от этого отвернется – он не любит, когда его учат. Литература вообще не для этого. Литература –

это искусство, это художество, это разговор с читателем языком образов и картин. Там нет и не должно быть прямой проповеди, особенно сегодня. Но, несмотря на отсутствие прямолинейного указания, что читателю делать, сама эта картина может говорить с читательским сердцем и вести полезный разговор для читателя.

В этом смысле все осталось по-прежнему. Литература может воспитывать.

Митрополит Иларион: Спасибо Вам за участие в нашей передаче, хочу пожелать Вам творческих успехов.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/49353/